

«Дорогая редакция! Внимательно читая страницу «Таланты и поклонники», вот на что хотим обратить ваше внимание. «Поклонники» у вас представлены в основном письмами читателей, в которых они искренне высказывают свою точку зрения, делятся своими размышлениями о фильмах, спектаклях, выставках, музыке... А вот «Таланты», как правило, молчат. Чаще мы читаем лишь о том, как они исполняют роль, как ставят фильм, о чем их картины. Да и то об этом пишется с позиций критика. Дайте слово им самим. Пусть актеры, режиссеры, композиторы, художники сами выступят на вашей странице, выскажут, о чем болит их душа, что их волнует, что радует...».

Это письмо нам прислали учащиеся техникума легкой промышленности. И в тот же день в нашей почте оказалось и письмо от Н. Половой, в котором она пишет, что ей очень понравился молодой актер Евгений Баранов из Театра имени Ленсовета: «Он показался мне по-человечески интересным...».

Это и определило выбор нашего первого героя.

Евгений Баранов,
артист Театра
имени Ленсовета:



Его легко представить скрывающимся с ледяной горки среди оравы подростков — есть в нем подкупающее мальчишество и какая-то завидная неотягощенность буднями. Трудно поверить, что за один сезон он сыграл в 262 спектаклях, что в пору школьных зимних каникул приходилось иногда отбрасывать по три спектакля в день. При том, что даже в маленькой роли, на воле, он азартно выкладывался с максимальной отдачей. Наша встреча состоялась в выходной день театра. В репе-

тиционном зале было пусто и тихо, так что в беседе Евгений как бы ловил отзвук прозвучавших своих слов, прове-

им главным режиссером. Но на самом деле что я сделал за это время?

Можно по пальцам перечислить спектакли, в которых я занят более или менее серьезно: «Рояль в открытом море», «Земля обетованная», «Трехгрошовая опера»... Каждая роль мне по-своему дорога. Люблю Сказочника из «Снежной королевы», играл там и разбойников, и Кая. Большим подарком была работа в «Игроках». Но, как ни странно, именно эта работа вызывает не только удовлетворение — общение с Гоголем всегда праздник для актера, — но и какое-то горькое чувство. Хочется играть в пьесах классического репертуара. Хлестакова нужно играть в молодом

мной, с потерями, неразделенной любовью, которая у обывателя повод для жалоб, у художника — мучительный акт творчества своего. Я, своего мира, своей души.

Я не хочу сказать, что не люблю современной драмы. Вампилова, например, очень люблю. Но мне кажется, что в современных пьесах есть особый фокус: человек в них какой-то маленький, весь в буднях, в хлопотах и мелких счетах. Конечно, он не герой в строгом смысле слова. Может быть, это я, актер, могу его сделать героем, если приподниму его над ним самим? А получается, что оба мы как бы на равных: я понимаю его маленькие радости, он бы со мной мог перекинуться парой

хо, это у нас в жизни не так. И все о быте, об удобствах. А я думаю: ну вот становится всем удобно — а что от этого изменится? Мне кажется, самое главное в том, что люди должны меняться, не обрастать удобствами, не терять духовного покоя. Гете говорил: «Чтобы что-то сделать, нужно кем-то быть». Это главное — нужно кем-то быть.

Мне кажется, что я вступил в пору, когда закончилось мое сценическое отрочество. Настал период ломки и накопления. Пока у меня нет новых работ, но появилось больше времени для самообразования. Первые годы на профессиональной сцене жестоки в том смысле, что ни на что не остается времени. Нельзя беско-

«НЕ ТЕРЯТЬ ДУХОВНОГО НЕПОКОЯ»

рять их на слух.

— Мне 28 лет, из них 17 я посвятил театру. Странно звучит, правда? Был в моей жизни человек, которому я всегда останусь бесконечно благодарен, — это учитель театральной студии, куда я пришел в первый раз, когда мне было 10 лет, Юрий Леонидович Калинин, удивительной души и щедрости человек.

Сам я родился и вырос на Волге, в небольшом поселке Юдино. После шести лет в студии, куда идти учиться, вопроса не стояло. Выбрал Ленинград, потому что этот город всегда особенно к себе притягивал. Теперь я понимаю, как невероятно мне повезло, что поступил в театральный институт с первого раза. Тогда это казалось нормальным явлением.

Судьба моя актерская складывается пока удачно: уже с первого курса был занят в спектаклях театра, после окончания вуза остался здесь же. Игорь Петрович Владимиров из моего учителя стал мо-

сти, в принципе, я уже стар для Ромео, придет ли ко мне когда-нибудь Гамлет? Вель можно дожить до возраста короля Лира при видимой занятости и благополучии актерского своего существования, так и не поняв, на что же ты способен в самом деле.

Ведь классический репертуар для актера не только профессиональная школа — это школа прежде всего духовная, культурная. До классического героя нужно дотануться, нужно «вырастить» до него свое Я. Тут требовательность к себе проявляется не по профессиональному уже только счету — по большому человеческому. Если я сыграл Гамлета — я уже принял в себя что-то от него. А это большие человеческие страсти.

Люблю читать дневники, статьи, письма больших писателей, художников, актеров. Помню, даже разные периоды у меня проходили «под знаком» Толстого, Достоевского, Чехова... Сама их жизнь воспринимается как творчество. Обыкновенная жизнь с болез-

слов на Невском. А играть нужно героев. Пусть они будут подвижниками или злодеями — в них должна быть исключительность, они должны потрясать...

Вот социологи вроде бы пришли к выводу, что зритель сегодня приходит в театр не столько ради потрясения, сколько отдохнуть, поэтому таким с юсом пользуются развлекательные спектакли. Театра нет без него. Следовательно, я не могу не любить зрителя. Но вам, наверное, трудно представить, как иногда я его ненавижу, когда он аплодирует плохому спектаклю. Здесь какой-то порочный круг: мы сами потакаем дурному вкусу зрителя и этим снижаем требовательность к себе же самим. Зритель скоро будет относиться к театру как к особому виду сервиса и жаловаться в газеты, что слишком громко прозвучал третий звонок, что в гардеробе отказались принести оторванную пуговицу, что в буфете нет бутербродов с икрой...

Вот говорят: там у нас пло-

нечно черпать из себя, не восполняя новыми встречами с книгами, с интересными людьми, с самой жизнью, наконец...

Мне кажется, что актер должен рассчитывать на самого себя. Если я несостоятелен как личность, ни один самый хороший режиссер мне не поможет. А если я буду жить, уважая в себе человека, это обязательно найдет выход в творчестве. Пусть не сразу, пусть не сегодня. Главное, чтобы я сам знал, ЧТО хочу сказать людям.

Я не думаю, что актер, вообще художник должен жить какой-то особенной жизнью. Наоборот, самой обыкновенной, как все. Должна быть семья, дети. Нужны домашние заботы и хлопоты. Ведь жизнь из этого состоит тоже. А именно это иногда людей ломает. Нужно быть способным на жизнь — какой бы она ни была. Ведь жизнь — это тоже творчество.

Записала А. КРАВЦОВА

Фото В. Васильева